

О.Н. Калинкина

Способы метанаучного познания в русском космизме

Русский космизм как направление в философии, зародившееся в конце XIX–начале XX века, объединяет мыслителей, ученых, устремивших исследовательскую мысль на познание взаимосвязи всего сущего во Вселенной. Использование целого ряда не только научных, но и духовных, или вненаучных, как классифицирует их современная академическая наука, способов получения знаний позволило мыслителям-космистам избежать обездушенности и механистичности научного творчества. В этой связи русский космизм несет тенденцию к синтезу науки и метанауки, применяя способы познания, известные еще с эпохи мифологического мышления: сны, видения, образные восприятия, озарения, откровения и др.

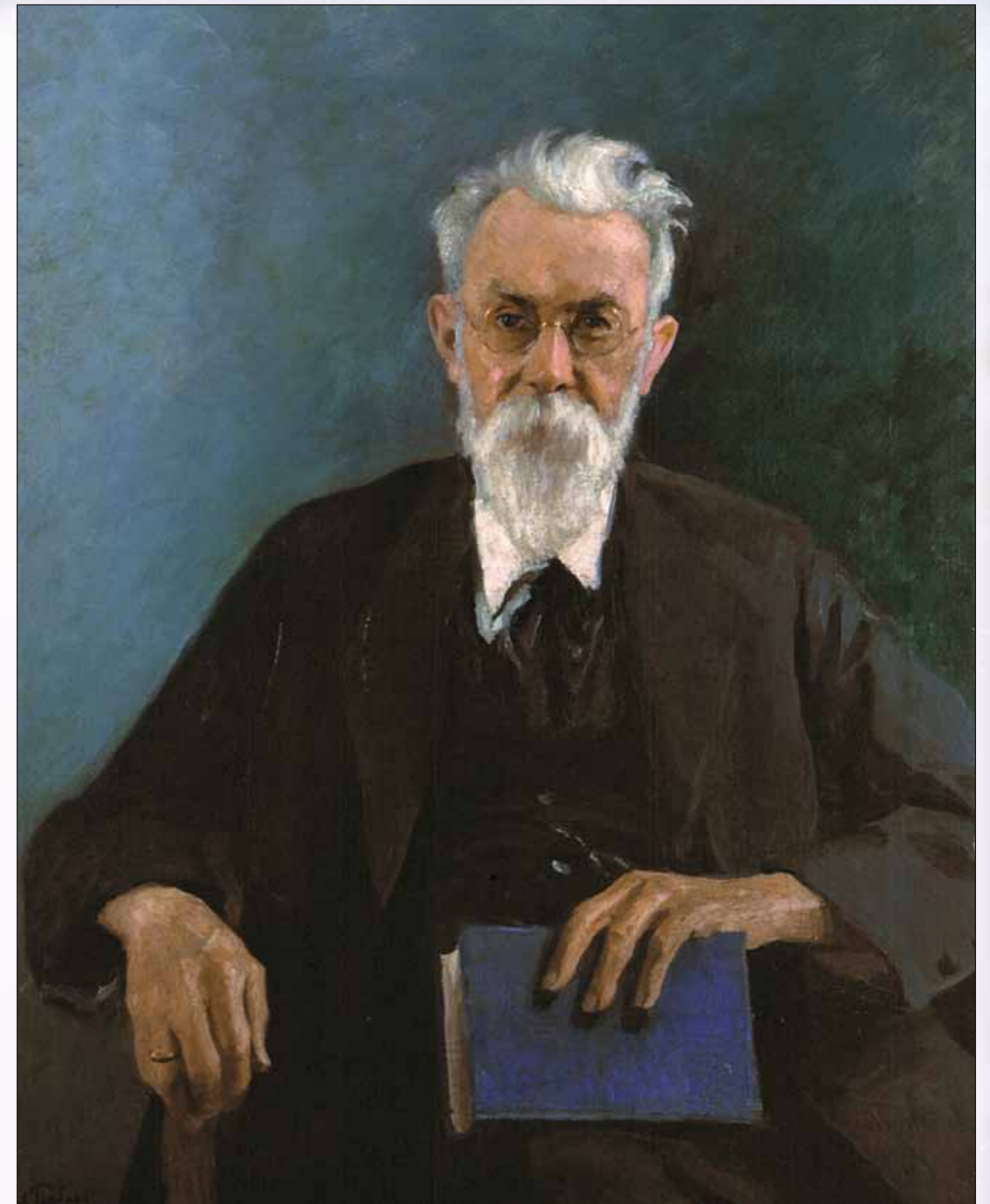
Николай Александрович Бердяев, размышляя над природой откровения, выделил ряд особенностей данного способа познания. Во-первых, откровение не объяснимо «исторической причинностью»¹. Во-вторых, оно «открывается внутреннему, духовному человеку <...>. Откровение есть как бы пробуждение внутреннего человека, существование которого предшествует возникновению объектного мира»². В-третьих, откровение «всегда носит характер прорыва иного мира»³ в мир плотный. В-четвертых, «откровение идет не только сверху, оно подготавливается и снизу, <...> от человека, от его творческой активности», «зависит от состояния человека»⁴. В-пятых, Бердяев поясняет, что откровение – это «всегда пронизывание человека божественным лучом, изменяющим человеческое сознание»⁵. Таким образом, в откровениях человек выступает в качестве посредника между Высшим миром и земным человечеством и служит не пассивным воспринимающим объектом, но субъектом процесса.

Немаловажным условием принятия откровения, по мнению Бердяева, является и то, что оно «должно быть приемлемо для человеческого сознания»⁶, то есть уровень сознания личности должен соответствовать поступающему знанию. Однако в любом случае, как пишет Бердяев, сознание человека накладывает определенную «антропоморфную и социоморфную печать»⁷, другими словами, человек вносит так или иначе искажения в первоначальный энергоинформационный импульс из Высших сфер, пропуская его через свой внутренний духовный мир.

Выявленные Бердяевым сущностные особенности духовного процесса, который мы называем откровением, позволили мыслителю прийти к выводу, что его субъектом может стать лишь человек высокого духовного потенциала: «Всегда были люди Духа, всегда были подготовители эпохи Духа, всегда были люди пророческого Духа. Всегда были в истории христианства люди, у которых был неохлажденный огонь. Всегда были мудрецы, которые излучали свет, они были в мире дохристианском. Всегда существовали мистики универсального значения»⁸.

Не только Бердяев, но и другие философы-космисты считали, что в новой науке должны занять достойное место метанаучные способы познания. Владимир Иванович Вернадский писал, что их отделение от науки может быть «только в воображении»⁹.

Сам Вернадский имел яркий опыт духовного познания во время болезни, когда он буквально прожил часть своей будущей жизни и, как истинный ученый, подробно и последовательно записал его. Он четко осознавал реальность происходящих с ним процессов и не воспринимал их как

И. Грабарь. Портрет Владимира Ивановича Вернадского. 1935

иллюзии или как построения рассудка. Вернадский писал: «Я не только мыслил и не только слал картины и события, я, больше того, почти что видел их (а м[ожет] б[ыть] и видел) и, во всяком

случае, чувствовал – например, чувствовал движение света и людей или красивые черты природы на берегу океана, приборы и людей. А вместе с тем я бодрствовал»¹⁰.

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1996. С. 46.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 147–148.

⁹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. С. 31.

¹⁰ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 112–113.

Из записей Вернадского мы понимаем, что «научное вдохновение», пережитое во время болезни, не было для него единственным опытом духовного познания. «Мысль образами и картинками, целыми рассказами, — пишет он, — обычная форма <...> молчаливых прогулок или сидений»¹¹.

Всей своей жизнью и всем научным творчеством Вернадский доказал возможность синтеза научного и метанаучного способов познания и применимость в науке информации, полученной из более тонких, высоких сфер инобытия. Именно в моменты духовных прозрений он находил новое в научной области. Интересны свидетельства ученого о возможностях, которые открываются перед человечеством при исследовании мышления. Эти свидетельства фиксируют реальное существование мыслей, отличающихся особым качеством и степенью утонченности. В момент получения информации, пишет В.И. Вернадский, «ярко пробежали в моей голове <...> некоторые из этих мыслей, которые казались мне очень важными и обычно фиксировались в моем сознании краткими предложениями и какими-то не выраженными словами, но прочувствованными моим внутренним чувством, моим “я” и очень мне тогда ясными впечатлениями»¹². Это говорит о том, что перед нами тонкоэнергетический процесс, едва уловимый лишь на уровне чувствования.

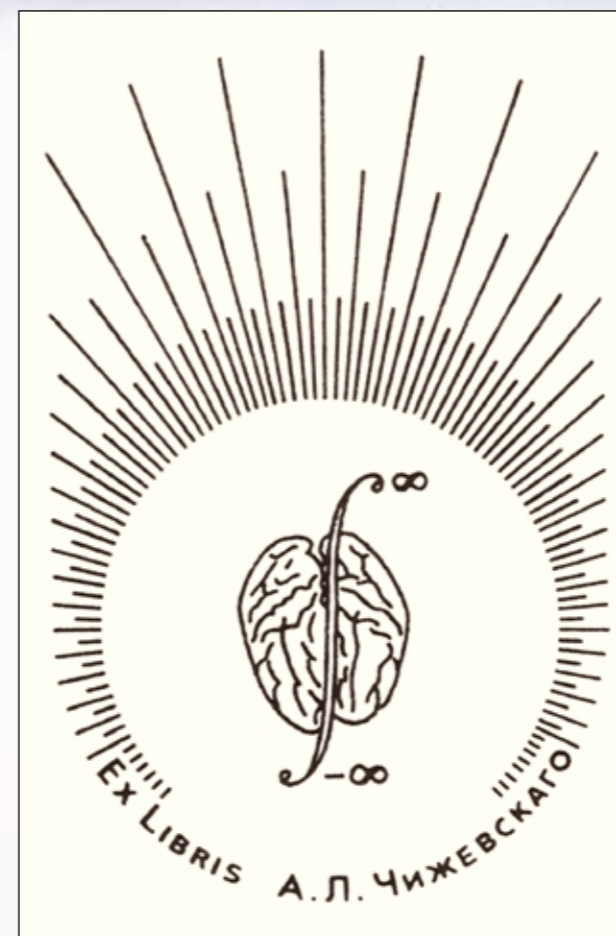
Из личного опыта Вернадского следует и другой важный вывод: процесс восприятия мыслей из тонких миров сопровождается особым состоянием подъема, вдохновения, радости, когда мысли как бы возникают все, целиком, но «выявляются» и осознаются они не сразу, а постепенно, с течением времени. Исследуя духовный опыт Востока, Вернадский пишет об интуитивном методе познания, характеризуя его как «углубленное, словесно не выражаемое переживание»¹³. Проследившая связь интуиции с научным познанием, он утверждает, что «интуиция, вдохновение — основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем, — не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении и в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только

не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание»¹⁴.

Как и Вернадский, Циолковский знал о духовных путях познания космической реальности. Л.В. Шапошникова, академик РАЕН и РАКЦ, пишет, что «метанаучный способ познания в научной работе Циолковского преобладал над эмпирическим»¹⁵. Действительно, из глубин инобытия являлись ему творческие озарения и космические образы. Константин Эдуардович знал о существовании высших существ и о возможности общения с миром иных пространственных измерений, он пишет, что был «свидетелем таких явлений»¹⁶. Как и Бердяев, он пришел к выводу, что глубина и полнота духовного познания зависят от уровня сознания принимающего космический импульс, и добавлял, что «голос вселенной» можно воспринимать как «непосредственно», так и через вестников, то есть «других существ, большею частью уже ушедших из нашего мира, но оставивших нам в том или другом виде свои труды»¹⁷.

О необходимости целостной системы познания, включающей как эмпирические методы исследования, так и метанаучные, писал и Александр Леонидович Чижевский. К духовным способам познания Чижевский относил и интуицию, и озарение, и образное мышление — словом, все то, что побуждало к размышлениям, построению гипотез, переходящих в экспериментальные исследования. Чижевский отмечал, что сущностной составляющей видимого образа является некое невидимое духовное явление, которое, только будучи верно понятым, дает возможность познать его сокровенные глубины. Через «творчество образов» он раскрывал и познавательную суть поэзии, представляя ее как результат духовных откровений, которых «не достигнет строго размышляющая философия или наука»¹⁸.

Личный опыт духовного познания Чижевский раскрывает прежде всего через свое поэтическое творчество, понимая под искусством поэзии такое произведение, «которое “расширяет” наше познание мира, явлений, вещей, событий; приводит в движение нашу мысль и тем самым заставляет мыслить и имеет само по себе, независимо от влияния на нас, философскую, этическую и эстетическую ценность»¹⁹.

Поэтическое мироощущение Чижевского оказывало большое влияние на его научное творчество, открывая перед ним еще неисследованные области, предоставляя возможность познавать сущностные аспекты мироздания. Через поэтическое творчество Чижевский-ученый рассматривает феномен сна как один из духовных способов познания, который, по его мнению, есть отражение иных, более утонченных пространств, но столь же реальных, как реален для человека земной мир. Чижевскому знаком и метод чувственного познания, который он называл *шестым чувством* и определял его как «суммирующее восприятие первых пяти чувств, создающее новые и новые логические здания, предвосхищающие непосредственные данные самой природы»²⁰.

Чижевский понимал и ценность озарения как способа духовного познания. Испытав радость таких мгновенных прозрений, ученый пытался записать свой духовный опыт: «После того, как мол-

ниеносно (именно подобно молнии) мелькнула та или иная идея, ученый приступает к ее “материализации”. <...> Но бывает и так, что он поражается глубиной идеи, стоит как вкопанный, будучи не в состоянии произвести какое-либо движение, и только постепенно приходит в себя. Тогда как одержимый он бросается к бумаге и набрасывает корявыми буквами свою мысль. В голове у него шумит, он ничего не различает вокруг себя, гонит всех прочь, ходит взад и вперед по комнате, иногда свистит и кричит: “Эврика!” (Я нашел), бежит под кран, чтобы остудить свою горячую голову, не замечая никого и отталкивая всех на своем пути»²¹. Подобные свидетельства тонкоэнергетического восприятия чрезвычайно важны в процессе создания новой системы познания. Здесь описан целый комплекс духовных ощущений и переживаний, которые требуют анализа ученых из разных областей науки.

Интересен опыт творческого соприкосновения с инобытием Павла Александровича Флоренского. Свое учение философского символизма он назвал «Конкретная метафизика». Здесь понятие «метафизика» подразумевает рассмотрение духовных феноменов, стоящих за реальными физическими явлениями, а определение «конкретная» подчеркивает, что духовное выступает не отвлеченно, а выражено в реальном чувственном воплощении. Эту выраженность духовного через чувственное Флоренский обозначил как «символичность».

Сам процесс духовного познания для него — это прежде всего живое чувственное общение с познаваемым, «реальное выхождение познаваемого в познающего»²², которое Флоренский называет «единением»²³, причем пути познания и способы определяются не познающим, а Высшим: «Пути намечаются из средоточия. Их может быть бесчисленное множество, это игра познаваемой реальности»²⁴.

Тот факт, что описываемые Павлом Флоренским способы духовного познания были им прочувствованы и лично освидетельствованы, демонстрирует следующая запись одного, как он пишет, «таинственного факта»: «вхождение Бога в меня как в субъекта (познания) и меня в Бога как в объективную Истину»²⁵. Здесь сам Флоренский выступает в качестве свидетеля того, что человек не только может являться объектом познания, но

¹¹ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 13.

¹² Вернадский В.И. Из дневника // Прометей: Истор.-биограф. альманах. Т. 15. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 18.

¹³ Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 1. 1935–1938. М.: Наука, 2006. С. 373.

¹⁴ Вернадский В.И. Труды по философии естествознания. С. 412.

¹⁵ Шапошникова Л.В. Великое путешествие: В 3 кн. Кн. 3. Вселенная Мастера. М.: МЦР, 2005. С. 927.

¹⁶ Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: ИДЛи, 2004. С. 113.

¹⁷ Цит. по: Демин В.Н. Циолковский. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 304.

¹⁸ Цит. по: Томилин К.А. Вокруг трепещет пульс Вселенной: А.Л. Чижевский // Философия русского космизма. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. С. 164.

¹⁹ Цит. по: Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. С. 559.

²⁰ Чижевский А.Л. Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы // Духовное созерцание. 1997. №1–2. С. 111.

²¹ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. М.: Мысль, 1995. С. 346.

²² Флоренский П.А. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. У водоразделов мысли. С. 79.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Цит. по: П.А. Флоренский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. С. 80.

и способен подняться до сознательного сотрудничества с Высшим.

Живой личный опыт духовного познания, определяемый Флоренским как *экстаз*, он имел с детства, через чувственное восприятие: «С детства запахи были для меня выражением глубочайшей сущности вещей, и я всегда ощущал, <...> что через запах я сливаюсь с самой вещью»²⁶.

В своих работах он описал несколько способов духовного познания. Исследуя феномен интуитивного творчества, Флоренский попытался облечь его в словесную форму. Для этого он ввел понятие «словесная клетка» в качестве некоего «места входа из мира бессловесного – в словесный»²⁷, то есть из мира тонкого в плотный. Именно этой «словесной первоклеткой», считает Флоренский, «вводится творческая энергия в мир»²⁸, и в дальнейшем происходит лишь расширение области ее проявления. Причем Флоренский считает, что интуиция, какой бы определенной она ни была, не может быть подвергнута «окончательному анализу», «ибо неведомое – прежде всего есть неведомое, в своей особой качественности, и то познание, которое сделало бы его не неведомым, которое лишило бы его качества неведомости, было бы не познанием, а величайшим заблуждением»²⁹.

Таким образом, личный опыт проникновения ученых-космистов в глубины духовного познания позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, наука будущего должна быть основана на рациональном гармоничном сочетании научных и духовных способов познания.

Во-вторых, духовное познание предшествует научному.

В-третьих, духовное познание как непосредственное знание отличается от рассудочного, опирающегося на логический аппарат определений, силлогизмов и доказательств. Духовные способы познания позволяют постичь *сущность* явления или предмета, увидеть его *целиком*, что дает возможность преодолеть ограниченность известных научных подходов к решению задач и выйти за рамки привычных, одобряемых логикой представ-

лений. Кроме того, в духовном познании присутствует некая творческая изменчивость, тогда как в понятиях рассудочного знания мыслятся лишь незыблемые, общие положения вещей. Также важным отличием видится и то, что инструментом духовного познания является сердце, а эмпирического – интеллект.

В-четвертых, среди сущностных особенностей духовных способов познания можно выделить следующие: 1) в зависимости от уровня сознания человек может выступать как объектом, так и *субъектом* вненаучного познания, причем субъектом может стать только высокодуховная личность; 2) пропуская космический импульс через свое сознание, человек так или иначе изменяет его; 3) духовное познание приводит к изменению сознания

человека; 4) духовное познание сопровождается особым состоянием подъема и радости.

Русские космисты, как ученые нового типа, стремящиеся к объединению научных и духовных способов познания, к единению познающего и познаваемого, к выдвижению на первый план нравственно-этических ориентиров, безусловно, внесли неоценимый вклад в формирование новой системы познания и, как пишет Л.В. Шапошникова, «создали каркас будущей системы познания и будущей науки <...>. Но назвать это системой нельзя <...>. Это были лишь отдельные мысли и отдельные идеи»³⁰.

Новую систему познания, основанную на синтезе научных и вненаучных знаний, несет Живая Этика, созданная Еленой Ивановой и Николаем Константиновичем Рерихами в сотворчестве с Учителями Востока. Именно Живая Этика осуществила стремления русских ученых-космистов объединить науку и метанауку, эмпирические методы познания и духовные, и с этой точки зрения во всей полноте представить целый комплекс духовных способов познания. Как говорится в Живой Этике, «наступило время, когда древние символы знания должны претвориться в научные формулы»³¹.

³⁰ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Кн. 3. Вселенная Мастера. С. 802.

³¹ Братство, 425.

П.А. Флоренский в своем кабинете. Сергиев Посад. Нач. 1930-х гг. Фото В.П. Флоренского. Архив семьи Флоренских